

ДЖЕЙМС БАРРИ

ПИТЕР ПЭН

ИЛЛЮСТРАЦИИ Л. МАРАЙЯ

Золотое наследие (Эксмо)

Джеймс Мэтью Барри

Питер Пэн

«ЭКСМО»

1911

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Барри Д.

Питер Пэн / Д. Барри — «Эксмо», 1911 — (Золотое наследие
(Эксмо))

ISBN 978-5-04-116537-6

Опасно помогать незнакомцу, особенно тому, кто теряет свою тень. Но отважная девочка Венди не может отказать в помощи очаровательному мальчишке. Её доброта и отзывчивость положат начало крепкой дружбе и невероятным приключениям. Героев ждут удивительные события на острове вечного детства: встречи с индейцами и русалками, битвы с коварными пиратами, веселье и много звонкого смеха. В таком чудесном краю нет места для грусти и тоски по дому, так стоит ли возвращаться? Перед Венди и её братьями стоит сложный выбор... В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-116537-6

© Барри Д., 1911
© Эксмо, 1911

Содержание

Питер прорывается	6
Тень	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Джеймс Барри Питер Пэн

J.M. Barrie

Peter Pan

Original artwork © Libico Maraja Association, 2014

Use without permission is strictly prohibited.

Иллюстрации Либико Марайи

Серия «Золотое наследие»

© Перевод на русский язык, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Питер прорывается

Все дети когда-нибудь становятся взрослыми – все, кроме одного. Очень скоро они узнают, что вырастут, и вот как узнала об этом Венди. Ей исполнилось два года, и как-то раз, играя в саду, Венди сорвала какой-то цветок и побежала с ним к маме. Полагаю, в этот момент она была очаровательна, поскольку миссис Дарлинг воскликнула:

– Вот бы ты всегда оставалась такой!

И хотя больше они не произнесли на эту тему ни слова, отныне Венди знала, что взросление неминуемо. Вы всегда узнаете об этом в два года. Два – это начало конца.

Они жили в доме под номером 14, и, пока на свет не появилась Венди, её мама была там главной. Эта привлекательная леди обладала романтическим характером и очаровательным, готовым растянуться в улыбке ртом. Этот её характер можно сравнить с замысловатыми восточными шкатулками, вложенными одна в другую. Вы открываете шкатулку, а в ней всегда спрятана ещё одна. Вот так же и смеющийся рот миссис Дарлинг всегда хранил ещё один маленький поцелуй, который Венди никак не удавалось поймать, хотя он явно прятался в правом уголке губ.

А вот как сумел завоевать её сердце мистер Дарлинг. Множество джентльменов, которые были юношами в то время, когда мама Венди была девушкой, вдруг одновременно поняли, что любят её, и ринулись к её дому, чтобы сделать ей предложение, но мистер Дарлинг перехитрил всех: схватил кеб и прилетел первым. Он-то и получил её в жёны, получил целиком, кроме самой последней маленькой шкатулки – поцелуя, притаившегося в уголке рта. Впрочем, о существовании шкатулки он и не догадывался, а что касается поцелуя, то с годами смирился и перестал его искать. Венди приходило на ум, что, возможно, его смог бы получить Наполеон, но перед глазами встаёт картина: вот он пытается, а затем в бешенстве убегает, хлопнув дверью.

Мистер Дарлинг частенько хвалился Венди, что мама не только любит его, но и уважает. Он принадлежал к тем глубокомысленным джентльменам, которые знают всё об акциях и доходах. По правде сказать, в них никто до конца не разбирается, но мистер Дарлинг часто рассуждал о том, что акции пошли вверх, а доходы вниз, с таким умным видом, что ни одна женщина просто не смогла бы его не уважать.

Миссис Дарлинг выходила замуж в белом платье и поначалу с таким энтузиазмом записывала в книгу все расходы, словно это была весёлая игра, и ни один, даже самый маленький, кочанчик брюссельской капусты не оставался ею не замеченным, однако постепенно стала пропускать даже крупные кочаны цветной капусты, а вместо них в бухгалтерской книге появлялись изображения младенцев без лиц. Так миссис Дарлинг видела будущее.

Сначала появилась Венди, затем Джон и, наконец, Майкл.

Пару недель после рождения Венди родителям не было ясно, смогут ли они её прокормить, поскольку в семье появился ещё один рот. Мистер Дарлинг очень гордился малышкой, но, будучи честным джентльменом, уселся на край кровати миссис Дарлинг и, взяв её за руку, принялся подсчитывать расходы. Она смотрела на мужа умоляющими глазами, потому что считала: надо рискнуть, а там будь что будет, – но мистер Дарлинг был не таков.

Вооружившись карандашом и бумагой, он занялся подсчётами, но стоило жене высказать какие-то свои соображения, сбивался и просил:

– Пожалуйста, не перебивай! У меня фунт семь шиллингов здесь и два фунта шесть в конторе. Я могу не пить кофе в конторе, и это даст десять шиллингов. Получаем два фунта девять шиллингов семь пенсов. Теперь пять фунтов из моей чековой книжки – получаем восемь фунтов девять шиллингов семь пенсов... Эй, кто там возится? Итак, восемь, девять, семь, запятая. Переносим девять – ни слова, дорогая! – фунт, который ты дала займы соседу... Тише, малышка! Да покачай ты её! Так-так... Я сказал девять фунтов девять шиллингов семь пенсов? Да, именно девять фунтов девять шиллингов семь пенсов. Вопрос: сможем ли мы прожить год при таком недельном бюджете?

– Конечно, сможем, Джордж! – воскликнула миссис Дарлинг.

Мистер Дарлинг видел, что жена настроена в пользу Венди, но чувствовал всю свою ответственность, поэтому напомнил почти угрожающим тоном:

– Не забудь про свинку! Свинка – один фунт, это я записал, но, думаю, скорее всего обойдётся в тридцать шиллингов... Не перебивай!.. корь – один фунт пять шиллингов, краснуха – полгинеи. Получаем два фунта пятнадцать шиллингов шесть пенсов... коклюш посчитаем за пятнадцать шиллингов...

Это продолжалось целую вечность, и каждый раз результат отличался от предыдущего. Но наконец Венди была «подсчитана» (при этом свинку сократили до двадцати шести шиллингов, а корь и краснуха пошли как одна болезнь).

Те же самые беспокойства переживались по поводу появления Джона, а у Майкла шансов было ещё меньше, но в результате оставили всех и вскоре можно было видеть, как, держась за руки, они идут в детский сад мисс Фулсом в сопровождении своей няни.

Миссис Дарлинг любила, чтобы во всём был порядок, а мистер Дарлинг хотел, чтобы всё было как у соседей, поэтому, само собой разумеется, у них имелась няня. Поскольку семья не могла похвастаться достатком по причине большого количества молока, потребляемого детьми, няней у них служила серьёзная собака породы ньюфаундленд по кличке Нана, у которой не было хозяев, пока её не наняли Дарлинги. Тем не менее она всегда очень ответственно относилась к детям, и Дарлинги свели с ней знакомство в Кенсингтонском саду, где Нана боль-

шую часть своего свободного времени заглядывала в детские коляски и строго следила за нерадивыми нянями, чтобы потом пожаловаться их хозяйкам.

В качестве няни собака оказалась настоящим сокровищем: добросовестно относилась ко всем своим обязанностям, включая купание детей, и с готовностью вскакивала даже ночью, стоило кому-нибудь из её подопечных только пискнуть. Разумеется, её конура стояла в детской. Каким-то особенным чутьём Нана знала, когда на детский кашель не стоит обращать особого внимания, а когда требуется завязать горло шерстяным чулком. Она верила только в старые проверенные средства типа листьев ревеня и презрительно фыркала при упоминании всех этих новомодных теорий о микробах и прочей ерунде.

Весьма поучительно было видеть, как она сопровождает детей в школу, степенно вышагивая сбоку, когда они вели себя хорошо, и собирает в шеренгу, если они разбредались. Когда Джон шёл играть в футбол, она никогда не забывала захватить с собой его свитер и имела обыкновение таскать в зубах зонт на случай дождя. В подвале школы мисс Фулсом имелась комната, где няни ожидали детей. Они сидели на скамьях, а Нана лежала на полу, – вот и вся разница. Они подчёркнуто игнорировали её, считая существом низшего сорта, а она презирала их за пустую болтовню. Нана не одобряла, когда в детскую заходили знакомые миссис Дарлинг, но если уж такое было неизбежно, то первым делом стаскивала с Майкла передник и надевала тот, что обшит голубой тесьмой, одёргивала платье на Венди и прилизывала волосы Джону.

В качестве няни Нана была безупречна, и мистер Дарлинг понимал это, но порой его одолевали сомнения, что же говорят по этому поводу соседи: приходилось думать о своём положении в городе, – однако этим его беспокойство относительно Наны не ограничивалось.

Порой ему казалось, что собака его за что-то невзлюбила, хотя миссис Дарлинг убеждала мужа в обратном: «Ну что ты, дорогой, я знаю, что она от тебя в восторге». При этом она незаметно делала знак детям, чтобы были сегодня особенно учтивы с отцом.

И тут начиналось веселье. В таких развлечениях иногда разрешалось участвовать их единственной служанке Лизе. В длинной юбке и чепчике, она напоминала Дюймовочку, хотя, когда её нанимали, клялась, что ей давно исполнилось десять лет. Как же они веселились! И больше всех радовалась миссис Дарлинг: выделяла такие умопомрачительные пируэты, что от неё был виден один лишь поцелуй, и тому, кто догнал бы её, он, пожалуй, мог достаться. Они были самой счастливой семьёй, пока не появился Питер Пэн.

Впервые миссис Дарлинг наткнулась на его имя, когда приводила в порядок мысли своих детей. Обычно по ночам, когда дети спят, все заботливые мамы прибираются в их мыслях, раскладывая по местам всё, что перемешалось за день. Если бы вы не спали (что, конечно, невозможно), то могли бы посмотреть, как это делается, и наверняка нашли бы весьма интересным. Вам бы это напомнило уборку в ящиках шкафа. Вот мама, стоя на коленях у кровати, с улыбкой перебирает ваши мысли, удивляясь, как могло то или иное прийти в эту светлую головку, делая для себя открытия – приятные и не очень. Вот что-то ей попало под руку, и она прижала это, словно пушистого котёнка, к щеке, а вот что-то, напротив, торопливо убрала подальше с глаз долой. Когда утром вы проснётесь, все шалости и недобрые мысли, с которыми легли в постель, будут свёрнуты и спрятаны на самое дно, а сверху, хорошенько проветренные, будут разложены все добрые намерения – бери да надевай.

Не знаю, доводилось ли вам когда-нибудь видеть карту человеческих мыслей. Доктора иногда изображают другие части тела, но карта мыслей была бы куда интереснее. Вот только поди попробуй поймать детские мысли, не только беспорядочные, но и порядком запутанные. На такой карте будут зигзаги, похожие на температурный график, но больше они всё же напоминают дороги на острове, потому что Нигделандия как остров – вся в разноцветных пятнах. Здесь есть и коралловые рифы, и быстроходные суда на горизонте, и дикари, и заброшенные хижины, и гномы-портняжки, и пещеры с подземными реками, и принцы, у которых шесть старших братьев, и наспех построенные шалаши, и одна высохшая от старости леди с крючковатым носом. Это была бы совсем простая карта, если бы отображала только всё перечисленное, но есть ещё первый день в школе, религия, папа, круглый пруд, шитьё, убийства, виселицы, непреходящие глаголы, шоколадный пудинг, фигурные скобки, три пенса в награду за то, что сам вытащил качавшийся зуб, и так далее и тому подобное. Либо всё это будет частью острова, либо попадёт на другую карту, но в любом случае всё выглядит достаточно запутанно, поскольку не стоит на месте.

Разумеется, Нигделандия у каждого своя: например, у Джона – это лагуна с парящими в небе фламинго, на которых он охотился, а у Майкла, как у самого маленького, напротив, лагуны парили над фламинго. В своей выдуманной стране Джон жил на песке в перевёрнутой лодке, Майкл – в вигваме, а Венди – в хижине из листьев, сшитых друг с другом; у Джона не было друзей, к Майклу друзья приходили по ночам, а Венди дружила с волчком, которого бросили родители. Несмотря на различие, все эти нигделандии имели фамильное сходство, и если поставить их рядом, то станет ясно, что у них одинаковые носы и прочие черты. К их волшебным берегам, где можно вволю наиграться, дети причаливают в своих лодках. Мы тоже бывали там, порой даже ещё слышим шум прибоя, но на берег нам уже не ступить никогда.

Из всех красивых островов этот самый уютный и компактный, с довольно большими расстояниями от приключения до приключения и совсем не скучный. Днём, когда вы играете в Нигделандию со стульями и скатертью, она совсем не страшная, но за две минуты до того, как заснёте, оживает. Вот для чего нужны ночные лампы.

Время от времени, перебирая мысли своих детей, миссис Дарлинг натыкалась на то, что не всегда могла объяснить, и самым загадочным было слово «Питер». Она знать не знала ника-

кого Питера, но тем не менее он временами возникал в мыслях Джона и Майкла, а что касается Венди, так её мысли были просто напигованы этим именем. Слово «Питер» было выведено жирными буквами поверх других слов, и чем больше мисс Дарлинг вглядывалась в него, тем более дерзким оно ей казалось.

– Да, ты права: он довольно дерзкий, – с сожалением признала Венди, когда мама приступила к расспросам.

– Но кто это, родная?

– Как кто? Питер Пэн.

Сначала миссис Дарлинг не знала, что и думать, но затем, мысленно покопавшись в своём детстве, припомнила какого-то Питера Пэна, который якобы жил среди фей и эльфов. О нём рассказывали разные странные истории: например, будто бы он провожал детей, которые умирали, чтобы им не было страшно. Тогда она тоже в него верила, но сейчас, став матерью семейства и преисполнившись здравого смысла, сомневалась, существовал ли он на самом деле.

– Но он ведь должен быть взрослым теперь, – несколько растерянно заметила миссис Дарлинг.

– А вот и нет! – убеждённо воскликнула Венди. – Он точно такой, как я.

Миссис Дарлинг поняла, что дочь имела в виду – точно такой же по росту и развитию. Откуда Венди это было известно, она и сама не понимала.

Миссис Дарлинг решила посоветоваться с мужем, но он лишь с улыбкой отмахнулся:

– Поверь, всей этой ерунды они нахватились от Наны: такое могло прийти только в собачью голову. Не обращай внимания, и всё само собой пройдёт.

Однако ничего само собой не прошло, и очень скоро проказливый мальчишка поверг миссис Дарлинг в шок.

Дети часто совсем не придают значения странностям, которые с ними происходят: могут, например, сказать, что на прошлой неделе во время прогулки встретили своего умершего отца и он даже поиграл с ними.

Вот и Венди однажды утром сделала неожиданное признание. Заметив на полу детской листья, которых там точно не было, когда дети ложились спать, миссис Дарлинг была в недоумении, а Венди снисходительно бросила:

– Наверняка это опять Питер!

– Что ты имеешь в виду?

– Он никак не привыкнет вытирать ноги, – вздохнула Венди, сама будучи очень аккуратной, и, как само собой разумеющееся, поведала маме, что Питер иногда по ночам приходит в детскую, садится в изножье её кровати и играет на дудочке.

К сожалению, добавила Венди, она никогда не просыпается и поэтому не знает, откуда ей это известно, – просто известно, и всё.

– Что за ерунда! Никто не может войти в дом, не постучав в дверь.

– Думаю, он приходит через окно, – парировала девочка.

– Но ведь детская на третьем этаже!

– А как же листья на полу у окна, мамочка?

С этим не поспоришь: листья действительно лежали возле окна.

Миссис Дарлинг не знала, что и думать: Венди говорила об этом, как о чём-то совершенно обыденном, так что невозможно было даже предположить, что ей всё приснилось.

– Доченька, а почему же ты мне раньше ничего не говорила?

– Просто забыла, – пожала плечами Венди и поспешила к завтраку.

Конечно, всё это ей только приснилось, но листья... Миссис Дарлинг внимательно их изучила: сухие, но с какого растения – непонятно, в Англии такие не встречаются.

Опустившись на колени и вооружившись свечой, миссис Дарлинг обследовала каждую половицу в надежде обнаружить какие-нибудь странные следы, пошуровала кочергой в дымоходе и простучала стены. Так ничего и не обнаружив, она взяла мерную ленту и опустила из окна. Коснувшись земли, та остановилась на отметке тридцати футов, а у них не было даже

водосточной трубы, по которой можно было бы вскарабкаться наверх. Вариант с окном отпал: определённо Венди всё приснилось.

Следующей ночью, с которой, собственно, и начались необыкновенные приключения детей, выяснилось, что это вовсе не сны.

Случилось так, что у Наны был выходной, поэтому миссис Дарлинг в положенное время сама купала детей, уложила в кровати и спела колыбельную. Когда дети один за другим отпустили её руку и отправились в царство сна, миссис Дарлинг в душе посмеялась над своими страхами и спокойно уселась за шитьё к камину. Это была рубашка для Майкла, подарок ко дню рождения, когда он должен был надеть её в первый раз. Всё выглядело уютно и безмятежно, от камина шло тепло, три ночника создавали мягкий полумрак, и очень скоро шитьё уже лежало на коленях миссис Дарлинг.

Поначалу она тихонько клевала носом, но, надо сказать, делала это весьма изящно, а затем по-настоящему уснула. Ну до чего умильная картина: Венди и Майкл мирно посапывают в глубине комнаты, Джон – поближе, а мама у камина. Воистину доставало лишь четвёртого ночника.

А миссис Дарлинг снилась своя Нигделандия. Вот она подступила совсем близко, и от неё словно отделился странного вида, но вовсе не страшный мальчик. Его лицо казалось знакомым и напоминало лица женщин, у которых не было детей, хотя и некоторых тех, у кого были, тоже. В её сне он словно разорвал завесу, отделявшую от них Нигделандию, и миссис Дарлинг увидела, что в образовавшуюся дырку Венди, Джон и Майкл просунули свои мордашки.

Сам по себе этот сон ничего особенного не представлял, но, пока она спала, окно детской отворилось и на пол с подоконника прыгнул мальчик. Его сопровождал странный огонёк, размером не больше кулачка, который метался по комнате, словно живое существо. Похоже, именно он и разбудил миссис Дарлинг.

Увидев мальчика, в котором тотчас каким-то образом узнала Питера Пэна, она вскрикнула. Будь там в тот момент кто из нас или Венди, мы бы признали в нём сходство с поцелуем миссис Дарлинг. Это был симпатичный мальчуган, одетый в сухие листья, скреплённые древесным соком, однако самым поразительным в нём были ослепительно-белые молочные зубы, которыми он заскрежетал, увидев перед собой не ребёнка, а взрослого.

Тень

Миссис Дарлинг вскрикнула, и, словно по сигналу, дверь распахнулась, в комнату вбежала Нана, вернувшаяся после выходного, зарычала и бросилась было на мальчика, но тот мгновенно выпрыгнул в окно. Из груди миссис Дарлинг вырвался вопль ужаса, и она бросилась на улицу искать маленькое тело, но его нигде не было. Миссис Дарлинг подняла голову, но в ночном небе ничего, кроме, как ей показалось, падающей звезды, не было видно.

Вернувшись в детскую, миссис Дарлинг обнаружила, что Нана держит что-то в зубах, и это «что-то» оказалось тенью мальчика. Когда тот прыгнул в окно, собака проворно толкнула раму и, хотя поймать его самого не успела, тень всё же прищемила.

Разумеется, миссис Дарлинг внимательно тень осмотрела, но та оказалась совершенно обыкновенной.

Нана быстро сообразила, как распорядиться тенью: вывесила за окно, рассудив, что ночной гость непременно за ней вернётся. Вот пусть забирает, а детей не будит. Но миссис Дарлинг не могла допустить, чтобы тень болталась за окном, словно какое-то бельё после стирки в домах бедняков. Ей хотелось показать тень мистеру Дарлингу, но тот подсчитывал, на чём сэкономить, чтобы купить зимние пальто Джону и Майклу. Голова его была обвязана мокрым полотенцем для прояснения мозгов, и беспокоить его она не решилась. К тому же она знала, что услышит: «Вот что значит иметь нянькой собаку».

Миссис Дарлинг решила свернуть тень и аккуратно положить в ящик шкафа до того момента, когда можно будет показать её мужу.

Момент этот настал неделю спустя, в ту роковую пятницу. (Когда же ещё, если не в пятницу?)

– Мне бы следовало проявить особую бдительность в пятницу, – часто сетовала потом миссис Дарлинг мужу и стоявшей тут же Нане.

– Нет и нет! – всегда возражал ей мистер Дарлинг. – Это только моя вина. Именно я, Джордж Дарлинг, несу полную ответственность за случившееся.

Будучи джентльменом чрезвычайно образованным, он часто выражался по-книжному.

Каждую ночь они вспоминали ту злополучную пятницу, до тех пор пока все подробности произошедшего не отпечатались у них в мозгу и не проступили на его обратной стороне, как это бывает у плохо отчеканенных монет.

– Зачем только я приняла это приглашение на обед... – горестно вздыхала миссис Дарлинг.

– Зачем только я налил лекарство в миску Наны... – сокрушался мистер Дарлинг.

«Зачем только я не притворилась, что люблю лекарства...» – можно было прочесть в полных слёз глазах Наны.

Время от времени кто-нибудь из них разражался слезами: например Нана, повторяя про себя: «Конечно-конечно, не надо было им нанимать в няньки собаку».

Частенько именно мистер Дарлинг прикладывал носовой платок к глазам убитой горем собаки.

– А всё этот негодник! – взрывался временами мистер Дарлинг, и Нана вторила ему лаем.

Одна лишь миссис Дарлинг ни разу не упрекнула Питера – что-то в правом уголке рта не позволяло его ругать.

Так они и сидели в опустевшей детской, вспоминая все мельчайшие подробности того ужасного вечера.

А начался он вполне обычно, точно так же, как сотни вечеров до этого: Нана наполнила ванну водой, посадила Майкла себе на спину и понесла купаться.

– Я не хочу спать! – кричал он так, словно последнее слово всегда оставалось за ним. – Не пойду, не буду! Ещё и шести нет, а ты меня тащишь в ванную. Я больше тебя не буду любить, Нана! Не хочу купаться, не хочу, не хочу!

Тут в детскую вошла миссис Дарлинг, одетая в белое вечернее платье. Это был раз и навсегда установленный ритуал, потому что Венди обожала, когда мама была в вечернем платье с бусами, которые подарил ей папа. На руке у миссис Дарлинг красовался браслет Венди: ей очень нравилось давать маме поносить свои браслеты.

Старшие дети как раз играли в дочки-матери, воспроизводя в ролях тот день, когда родилась Венди. Джон голосом папы говорил:

– Рад сообщить вам, миссис Дарлинг, что вы стали матерью.

Венди, изображавшая маму, радостно закружилась, как ей казалось, должна была поступить её мама.

Затем «родился» Джон, и это событие произошло с большей помпой, как, по мнению Джона, и должно обставляться рождение мальчика, а когда из ванной появился Майкл и попросил «тоже родиться», Джон безжалостно заявил, что больше детей им не нужно.

Майкл чуть не заплакал и проговорил со вздохом:

– Никому я не нужен!

Этого, разумеется, леди в вечернем платье не смогла вынести и воскликнула:

– Нужен! Мне нужен! Я так хочу третьего ребёнка!

– Мальчика или девочку? – спросил Майкл без особой надежды.

– Мальчика, только мальчика!

Майкл бросился к матери в объятия. Вроде бы ничего особенного, как тогда показалось и самим Дарлингам, и Нане, но это была последняя ночь, которую Майкл провёл в детской.

Они продолжали вспоминать.

– И тут, помните, в комнату вихрем влетел я, – обычно говорил в этом месте мистер Дарлинг с раскаянием в голосе, но именно так оно и было.

Вероятно, его поведению можно было найти некоторое оправдание. Он собирался в гости, и всё шло прекрасно, пока не дошла очередь до галстука. Это может показаться странным, но человек, прекрасно разбиравшийся в акциях и капиталах, порой оказывался абсолютно бессильным перед галстуком. Иногда этот аксессуар подчинялся хозяину беспрекословно, но случалось и так, что обитатели дома молились, чтобы он переступил через свою гордость и надел галстук с готовым, уже завязанным узлом.

В тот день был именно такой случай. Мистер Дарлинг влетел в детскую с перекрученным непокорным негодником в руках.

– Что-то случилось, папочка?

– Да уж, случилось! – прямо-таки взревел мистер Дарлинг. – Этот предмет не завязывается! Во всяком случае, вокруг моей шеи. Вокруг ножки кровати – пожалуйста, хоть сто раз, но вокруг моей шеи – ни за что! Боже мой, ни за что! Вот так!

Не рассчитывая, что произвёл на жену должное впечатление, мистер Дарлинг сурово продолжил:

– Предупреждаю: до тех пор, пока на моей шее не будет галстука, на обед мы не пойдём, а если мы не пойдём на обед сегодня, то ноги моей никогда больше не будет в конторе, а если я не стану ходить в контору, мы все будем голодать и дети окажутся на улице.

Однако даже после этого спича миссис Дарлинг умудрилась сохранить спокойствие:

– Позволь мне, дорогой.

Мистер Дарлинг, собственно, за этим и пришёл. Дети молча стояли рядом, пока миссис Дарлинг ловкими прохладными руками повязывала мужу галстук.

Наверное, найдутся мужчины, которых возмутила бы та лёгкость, с которой женщина справилась с галстуком, однако мистер Дарлинг, человек по натуре добрый, лишь беззаботно поблагодарил жену, через секунду забыв про гнев, а через две уже гарцуя по комнате с Майклом на плечах.

– Как же нам в этот день было весело! – вздохнула миссис Дарлинг.

– В последний раз, – простонал мистер Дарлинг.

– Джордж, а помнишь, как Майкл вдруг спросил: «А как ты узнала обо мне, мама?»?

– Ещё бы не помнить!

– Как они были милы! Правда, Джордж?

– Это были наши, наши дети, а сейчас их нет.

В тот вечер их веселью помешала Нана. Стоило ей по-явиться в детской, как мистер Дарлинг принялся громко выражать своё неудовольствие по поводу того, что её шерсть оказалась на его брюках. Самое печальное заключалось в том, что это были не просто брюки, а совершенно новые брюки, к тому же первые в жизни мистера Дарлинга брюки со штрипками, и он закусил губу, чтобы не расплакаться.

Конечно, миссис Дарлинг их вычистила, но муж опять заявил, что взять в няньки собаку было с их стороны большой ошибкой.

– Джордж, ты не прав: Нана настоящее сокровище.

– Согласен, но у меня порой возникает подозрение, что она смотрит на детей, как на щенков.

– Ну что ты, дорогой, я уверена: ей известно, что у них есть душа.

– Как знать, – задумчиво протянул мистер Дарлинг, – как знать.

Миссис Дарлинг решила, что настал подходящий момент рассказать мужу о странном мальчике. Поначалу он было отмахнулся, но затем, стоило показать тень, призадумался и в конце концов заключил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.